

1. ТЕАТР ОДНОГО АКТЕРА

Как нарисовать птицу? Друзья живописца Виктора Попкова рассказывали, как писал он птиц, что вытесны небольшие траурной стайкой близ кроны красно-золотого дуба, у подножия которого на его знаменитой картине скорбные старухи и в алый, ягодный цвет обряженные дети, словно повторяя круг ее жизни, прощались с бабкой Анисей.

В поле под Абрамцевом он нашел убитую кем-то сороку и долго «колдовал» над ней, вымеряя размах ее крыльев. А потом раздобыл где-то птичий чучело и внимательно изучал их в своей мастерской. А ведь их, сорок этих, и не заметишь сразу в том торжественно-величавом и строгом хорале, который он так удивительно просто и прекрасно назвал «Хороший человек была бабка Анисья».

Если над обыкновенной сорокой нужно столько трудиться, чтобы сделать ее необыкновенной, то сколько же надо потратить усилий, чтобы понять летящую, точно птица, жизнь?

На известном автопортрете, в шинели отца, сорокалетний

сорок пять лет — все думается: ничего, когда-нибудь буду жить хорошо, легко. А время идет...

Купил. Радость его омрачала лишь продавщица, что почему-то показывала ему это «чудо» с плохо скрываемой ненавистью. С. Юрский смотрел на нее, смущенно улыбаясь, словно извиняясь за что-то, его голубые глаза были полны изумления.

Схватив сапожки, он помчался в дежурку, где жарко спорили шоферы и механики.

С. Юрский меняет мизансцену. Чуть подалеже от просцениума у него припасен столик, и он мгновенно превращается в спорящих так, что мы ясно видим, например, рязкого с большими печальными глазами Витку Кибякова, по прозвищу Рашпил, который орет больше всех. Никто не обращает внимания, пока не становится ясным, что сапожки эти он купил жене. Событие прямо-таки фантастическое! Жене! Клавье! И такие пушистые да дорогие! Это же из ряда вон! Это же не то глупость, не то поэзия, какая-то получается!

И снова событие: жене не лезет сапог — событие трагическое! И тогда сапожки переходят к старшей дочери, как перспектива и стимул

заться, что совсем непросто. А в данном случае природа на сцене — дело совсем лишнее, ибо с ней связана вся жизнь и самая смерть Егора Полушкина, который если плотничать начнет, то у него стены петь будут, если канаву прокладывать, то он так исторгнется, что муравейник обогнет, — пуская живот, дескать, мураши, воздухом наслаждаются; если его на лодочную станцию определят, то он на голубых лодках не унылые черные номера кистью выведет, а веселого гусенка нарисует, а на другой лодке — поросенка, чтобы различать и чтобы людям весело было. А его за фантазии эти с места на место перебрасывают и «бедоносцев» величают: беспокойства от него много. Чудак! А он и не возражает, не унывает, улыбается: «стало быть, так, если оно не этак...».

Начинается спектакль. Тихо вещает радио про всякие красивые и примечательные вещи. И выходит из-за дерева на пригорок в клеточке, в пиджаке старом, в синей полосатой рубашке молодой Егор Полушкин — Олег Табаков, держа в руках свой плотничий инструмент, с которым в какой-то раз велено ему расстаться.

Борис Васильев назвал свою пьесу притчей. Когда

бэжым называлось, — говорит он на совещании в Москве. — А сколько таких Черных озер по всей стране на- шей. Так вот, надо бы так сотворить, чтобы они обратились в озера стали: Лебяжьими или Гусиными, Журавлиными или еще как, а только чтобы Черными, мил дружки вы мои хорошие! Это ведь и к людям относится.

Сам он, Егор, возвращаясь с работы, ополоснув в реке руки и привычно отбегав их о край пиджака, превращаясь на наших глазах из гадкого утенка в лебедя. И тут-то и убивают его в страшной, нелепой драке шабашники и браконьеры, сами в финале истории потрясенные тем, что они сотворили.

У О. Табакова достойные партнеры. Как всегда, живой, гибкий, напористый, убежденный в правоте своего неправого «закона» Бурьянов — П. Щербаков, воинствующий дурак и перестраховщик, хотя вроде бы неплохой мужик, прораб Яков Прокопич — В. Хлевинский, милый, постоянный собеседник Егора по всему спектаклю сын Колька — Кирилл Хорошилов и, конечно же, Харитина — Т. Дегтярева.

Для меня это было открытием актрисы. Быть может, именно она всех ближе по-

менной игрой актеров, особенно М. Тереховой, И. Савиной, Г. Тараторкиной... Видел, как вырос талантливый автор, какие отличные дуэты- сцены он написал для влюбленных, как неожиданен он в тексте и в кажущейся порой алогичности поступка, и все-таки не понимал, что, собственно, происходит на сцене.

Почему ученый Эльдар — Тараторкин, что успел в начале пьесы завоевать мою симпатию своим живым умом и способностью брать на себя самые трудные в жизни вещи, учиняет такой жестокий и унижительный допрос ревнивец своей возлюбленной и почему, собственно, «Дом на песке» — белый дом над морем, что так фанатически строит мать Эльдара, чтобы собрать вместе всех своих детей, держится на столь зыбкой почве? И что это за аллегорическая скала, которую нужно взорвать, чтобы построить дом? Рознь поколений?

Но хотя и не приехали в это воскресенье двое братьев, Эльдар и его сестра вместе с их прекрасными стариками готовы снести эту скалу. Может быть, скала — это благодатная, но депотическая одержимость матери, добро, навязываемое силой? Может быть... Во всяком слу-

ва вспоминаю имя живописца, с которого я начал свои заметки.

«Работа окончена» — так называется одна из его, быть может, лучших картин. У повернутого к стене холста лежит человек с мертвенно-бледным лицом. Он отдал всю кровь картине, быть может, совершенной. И все же я уверен — завтра он осмолит ее придиричьим взглядом и нанесет еще какие-то новые мазки.

Недавно в Ленинграде я видел в молодежном театре — старшем сыне Театра имени Ленсовета — спектакль под названием «Как нарисовать птицу». Его играют бывшие одноклассники, ныне актеры этого молодого филиала театра, занятые подчас в больших ролях на его основной сцене. Это спектакль-монолог. Его ведет И. Владимиров, рассказывая и комментируя, как наставник, путь своих учеников, их совместные опыты, то, во что они верят.

Начинается он со стихов Жака Превра «Как нарисовать птицу»: «...Нарисуйте дерево, выбрав лучшую ветку для птицы, нарисуйте листву зеленую, свежесть ветра и ласку солнца, нарисуйте звон мошкеры, что в горячих лучах резвится, и ждите, ждите» затем, чтобы запела птица... Ждите, если надо, годы, потому что срок ожидания, короткий он или длинный, не имеет никакого значения для успеха вашей картины».

И. Владимиров так и поступает. Он бросает своих птенцов туда, где звон мошкеры и ветер, едет с ними дважды в Надым, по ту сторону Полярного круга — в тундру, потом в поселок Звездный на БАМе. Следует с ними по трассе, что уперлась в скалу, не аллегорическую, а реальную. Ученики его видят, как артистические люди решают там эту задачу, и понимают то, во что они не поверили бы в классе.

Весь калейдоскоп отрывков, стихов, сцен, шуток и серьезных размышлений, что я видел в Ленинграде в этом «спектакле — воспоминании» молодых в том, как они шли по «ступеням» и пришли к «посвящению в артисты», убедил меня в том, что у них есть свое понимание жизни и театра, что все они разные и, конечно, одно делают лучше, другое хуже, но знают, что учиться надо всю жизнь, «потому что срок ожидания, короткий или длинный, не имеет никакого значения».

Это спектакль не только воспоминания, но и «спектакль-перспектива». В нем живет и то, что было, и то, что будет. Хочется верить — будет.

...Станиславский в последний год своей жизни спросил однажды у одного большого артиста: «Как вы думаете, с чего начинается полет птицы?» И сам же ответил: «...Птица набирает воздух в грудную клетку, становится гордой и начинает летать». Так учил он, как нарисовать птицу. Впрочем, сам он, казалось бы, все свершив в театре, до самого последнего дня жизни задавал себе все тот же неотступный вопрос: «Как нарисовать птицу?».

Театральное обозрение

КАК НАРИСОВАТЬ ПТИЦУ?

В. КОМИССАРЖЕВСКИЙ, заслуженный деятель искусств РСФСР

большелобый художник, человек семидесяти годов, в сером свитере, окруженный лиловым, светящимся хоро- водом печальных, как воен- ные вдовы, женщин, думает над тем, как же он должен жить и писать, чтобы быть до- стойным памяти «вечно жи- вых». И серый свитер слива- ется с цветом солдатской ши- нели, и краски палитры пере- кликаются с темно-розовыми цветами за окном, и он ви- дит велегожские дали, где жил в тот год, и слышит в ти- шине, как — трубят, будоража совесть, мраморные враны на постаменте, и белокрысыа девочка, прыгая через ска- лку, парит майским днем рядом с птицей над громад- ным пространством, имя ко- торому Россия.

А он думает, думает, ду- мает, чувствуя, как рождает- ся в нем иная глубина, иная высота взгляда. Мне кажется, что эта пытливая дума стала сейчас в искусстве и жизни свойством многих, казалось бы, совсем не философского склада людей, работающих в области куда менее примет- ной, чем, скажем, живописец или поэт.

Впрочем, нет дела, где че- ловек не мог бы «нарисовать птицу». Вот, допустим, шо- фер Сергей Духанин из рас- сказа В. Шукшина «Сапожки». Я видел и слушал недавно этот рассказ в театре Сер- гея Юрского (говорю о «те- атре Сергея Юрского», хотя такого театра вроде бы и не существует. Однако, когда выходит один на сцену этот уникальный артист, все обо- рачивается поразительно ес- тественным, даже в самом химерическом гротеске, и неизменно демократическим — Театром).

...Так вот, «Сапожки». Каза- лось, что тут особенного? Шофер купил жене сапожки. Не подошли, отдал старшей дочери — вот и все. Поду- маешь, событие! Услышишь такое и забудешь тотчас. А Шукшин не забыл, высокий смысл в том увидел и нас в чем-то. Существенном про- коррективировал. Потому и го- ворил Толстой, что художник — это человек, который видит то, что не видит никто, но что насущно и важно знать всем.

Итак, увидел шофер в ма- газине сапожки и потерял покой — купил! С. Юрский сообщает об этом вначале просто, как о факте: дескать, дело житейское. Затем он вынимает пачку «Беломора» и, бросив в рот папиросу, но так и не закури ее, на- чинает думать.

Вначале идут мысли прак- тические: кусаются, шестьде- сят пять рублей все-таки, по- ловина мотороллера, как-ни- как... Событие! И он, стоя в очереди за пивом, думает, забыв о папиросе. Очередь подается медленно, и мысли Сергея становятся серьезней: «Вот так живешь —

Событие необычайнейшее, праздник души...

И вот здесь-то С. Юрский, наконец, закурил на вообра- жемом крыльце свою по- следнюю любимую перед сном «Беломорину» и снова задумался — сладко, спо- койно, ясно... По-особому, как когда-то, давно, по- загла его в комнаты жена, и он понимал, что это не за сапожки, а за что-то иное, что и не назовешь сразу.

«Ничего. Хорошо», — до- куривая, убежденно подво- дит итог С. Юрский. «Духа- нин. Он «нарисовал сегодня свою птицу». Она пела в его доме...

Один человеческий посту- пок, даже слово, способные порой превратить жизнь в праздник. А могут ее и по- губить...

2. ЛЕС, ЗЕМЛЯ, ЧЕЛОВЕК

«Не стреляйте в белых ле- бедей» — премьера спектак- ля, поставленного в моско- вском театре «Современник» по роману Бориса Васильева, им же превращенному в пьесу.

...Перед нами невысокий холм с неяркой травой и на- стоящими деревьями на вер- шине. Трава тоже вроде бы настоящая, как и вода возле холма, что может быть то деревенской речкой, то Чер- ным озером В воде, задолго до начала спектакля, бродят две полуголых мальчишек с бреднем — ловят рыбу. Хо- дят они, пожалуй, слишком долго: начинаешь беспоко- иться — не простудились бы! И еще стоит в деревне высокий столб, и на нем ре- продуктор. Он будет тихо, в течение всего спектакля пе- редавать настоящие новости: какие министры и артисты к нам приехали, и какие за- граничные театры играют, и кто сколько, чего, где сде- лал. И еще симфоническая музыка станет из него стру- иться либо художественное чтение. И это совсем не бу- дет мешать спектаклю, а, на- оборот, помогать: так вот, мол, жизнь протекает не- прерывно на планете. И на фоне ее в глухих лесистых местах между тем всякие со- бытия разыгрываются. Все это, по-моему, режиссер Ва- лерий Фокин и художник Игорь Попов хорошо приду- мали, да и не придумали, а увидели. И то, что сегодня на сцене вообще такое стрем- ление к натуральности наблю- дается (настоящая земля, трава, песок, деревья, вода, кожа, железо), ничуть этому не мешает: поверят в траву — больше станут верить ак- теру, если он рядом с этой травой, водой и деревьями сумеет тоже подлинным ока-

читаешь роман, чувствуешь интонацию сказа, даже когда начинаешь рассказывать о нем, и то, неволью, затягива- ет тебя в этот лад («песню, которую начал, надо допеть до конца» — так кончает пи- сатель первую часть по- вествования).

В. Фокин и О. Табаков, как бы беря пример со своего героя, что всегда оставался самим собою, переизли то- нальность пьесы в близкий «Современнику» психологи- ческий план и заразили им зри- тельный зал, ведя его своим путем в «мир Егора».

Если поначалу от Олега Табакова ждешь большего, что ли, душевного сияния, то постепенно этот вроде бы неяркий, как запыленная тра- ва, человек становится в его исполнении крупным, близ- ким, насущным в своей по- стоянной готовности к делу, естественной способностью понять, простить или не про- щать того, что простить нель- зя. Какое-то деловитое бес- страшие живет в нем.

Особенно хороши у О. Та- бакова в спектакле две пау- зы: когда сидит он молча, незадачливый хозяин, осме- янный практичными гостями за то, что единственного ка- банчика себе в убыток про- дал, за то, что семью губит. Впервые в глазах его, всегда веселых, участливых, слезы собираются, и он припадает, как ребенок малый, к груди жены своей Харитины, мол- ча целуя ее, ища у нее за- щиты и забвения.

И вторая — это та минута, долгая минута, тягостная, когда, казалось бы, настал его «звездный час» и ему, бедолаге, «бедоносцу», пред- лагают сменить его родича, прежнего лесника, самого Федора Ипатьевича Бурьяно- ва, обворовавшего лес и всегда унижавшего Егора... Правь лесом, Егор, твори добро — и себе, и людям! А он молчит угрюмо под закликанья и причитания Харитины, ибо неловко, стыд- но ему лежачего бить, счастье свое через чужое, пусть заслуженное, горе при- нимать. Он примет лес, ибо знает, что нужен ему, но тяжко ему в эту минуту, а не радостно. Интеллигент- ность Егора Полушкина, со- вестливость его и любовь ко всему живому — важней- шие приметы характера, созданного О. Табаковым. Во имя этой любви он станет соединять вскормившую его природу со своими ласковы- ми руками, что и изогнутую трубу проведут так, чтобы не потревожить мурашей. И все это Олег Табаков — Полуш- кин выполняет весело, нена- вязчиво и поистине государ- ственно.

«Вот я при Черном озере состою, а раньше оно Ле-

дошла к природе васильев- ской драмы, естественно, без малейшей стилизации соеди- няя психологический театр с «песней» и сказом.

Как кедринская «русская мадонна» в своей то блек- нушей, то гаснущей от горя, то расцветающей красе, всег- да в трудах, всегда готовая заголосить по-бабьи, браня мужа за всякую малость в привычных заплачках — «не- люди ты заморская, заклады- мое сиротское. Господи, спаси и помилуй, бедоносец чертов!» — она может через минуту отплетать бельем сестру свою: за малейшее слово бранное, сказанное о ее муже, отце ее детей; и гордиться им в час его побе- ды, и быть нежной в час его бед, и стать вдруг застенчи- вой, как девушка, после стольких лет супружества в час их любви. А потом тор- жественно и строго пройти в траурном шествии возле его могилы...

Одинокий лесничий, по ве- черам играющий на задумчи- вой дудочке (артист С. Са- зонтьев), и учительница Нонна Юрьевна с глазами пугливой лани (артистка Е. Меркзова) до- полняют своим любовным дуэтом этот поэтический план пьесы.

Спектакль закончен. Мино- вало погребальное шествие. На пригорке остается, держа в руках спасенного живого щенка, Колька, остается, как живое продолжение Егора, как надежда.

На сцене явлен новый ха- рактер — Егор Полушкин, персонаж, весьма насущный в наших спорах о природе, о человеке дела и сердца.

Что касается «Современни- ка», то в дни, когда одни уверяют, что у него все уже в прошлом, а другие трезво анализируют его настоящее, когда еще полемически об- суждается его «Вишневый сад» (в чем и я, грешный, принял участие), театр снова обнаруживает свое острое ощущение времени, что всег- да было его неизменной си- лой.

3. КТО СТРОИТ ДОМ

Изменение интонации здесь не причинило автору замет- ного ущерба. Но бывает и по-другому. Это происходит тогда, когда театр произ- водно меняет всю внутрен- нюю логику пьесы, ее смысл, так, что порой автор и сам вряд ли узнает свое дитя.

Так, мне кажется, произо- шло с последней пьесой Ру- стама Ибрагимбекова «Дом на песке», которую поставил в Театре имени Моссовета режиссер Борис Щедрин. Я смотрел этот спектакль, любовался тонкой, совре-

чае в спектакле все кончи- лось благополучно: девушка будет ждать ревнивец Эльда- ра, скалу по команде «раз, два, три» снесут, и я ушел из театра успокоенным, хо- тя и сохранившим все-таки в душе некоторое ощущение туманности всего происхо- дящего. «Нужно было бы написать еще один, третий акт», — сказал мне после окончания один известный драматург.

Но вот случилось так, что я прочел саму пьесу. Здесь все оказалось совсем иным: Эльдар и в голову не при- ходило ревновать женщину, что он любит, и допраши- вать ее о подробностях прош- лых, до него случившихся встреч. Это она сама в жа- де чистоты и полноты их близости, ужасаясь тому, что делает, поведала ему все. Но и после этого он, давший слово смертельно больной матери приехать к ней в этот день, уезжая, просил свою возлюбленную ждать его. Он знает: ее добывает- ся человек, что был с ней близок, — и все же едет: ве- рит. И не может обмануть мать, которой осталось так мало жить.

Благодаря перестановке текста сцена у стариков ста- новится вялой, тем более что перед нами, по закону параллельного существования двух этих планов, все время находится любимая Эльдара и ее бывший, случайный лю- бовник.

Что же будет? — думаем мы. Все будет в порядке, успокаивает нас режиссер, она его дожидется!

Но это совсем не так в пьесе: по-человечески та- лантливая, сумбурная, им- пульсивная натура возлюб- ленной Эльдара скорее всего не выдержит испытания и на этот раз: она его не дождет- ся и уйдет с тем, кого не лю- бит. Это звучит в пьесе тре- вожно, горько-предупреж- дающе...

Что касается аллегории со скалой, то она, при всей сво- ей многозначности, могла бы быть все-таки более опреде- ленной. Это, разумеется, и забота автора.

В общем, писателю и теат- ру надо «рисовать птицу» вместе и, может быть, про- должить работу над спектак- лем.

Впрочем, это так естествен- но... Экзамены для художника никогда не кончаются. Я сно-